

П.М. Мозиас

МГОУ

Тайвань: экономические итоги президентства Чэнь Шуйбяня

В мае 2008 г. завершился второй и последний по действующей Конституции срок президентства представителя Демократической прогрессивной партии (ДПП) Чэнь Шуйбяня. Избирательные кампании 2008 г. (январские выборы в Законодательный юань и мартовские выборы президента) радикальным образом изменили политический ландшафт Тайваня. Сначала Гоминьдан (ГМД) обеспечил себе абсолютное большинство более чем в две трети мест в парламенте, а затем кандидат в президенты от этой партии Ма Иньцзю с большим отрывом выиграл у своего соперника от ДПП Се Чангина. Восемилетний период, когда структуры исполнительной власти контролировались ДПП, стал, таким образом, достоянием истории.

Какое воздействие оказала политика, проводившаяся администрацией Чэнь Шуйбяня, на положение дел в тайваньской экономике? Для ответа на этот вопрос тенденции, свойственные времени второго президентского срока Чэня, представляются более репрезентативными по сравнению с первым президентством. В 2004–2007 гг. экономика Тайваня не испытывала столь масштабных внешних шоков, каким было происходившее в 2000–2001 гг. резкое сокращение спроса в США и других развитых странах на продукцию тайваньского сектора информационных технологий – тогда оно привело к спаду в тайваньской экономике¹. 2004–2007 годы были временем экономического роста: в 2004 г. прирост ВВП составил 6,1%, в 2005 г. – 4,0, в 2006 г. – 4,9, а в 2007 г. – 5,7%. Но эти показатели выглядят относительно скромно на фоне отмечавшихся в 1990-е годы среднегодовых темпов роста в 6,3% и тем более – по сравнению с двузначными цифрами роста времен «экономического чуда» 1960–1980-х годов. Безработица, снизившаяся по сравнению с периодом экономического спада (в ноябре 2001 г. она достигала 5,28% от численности трудоспособного населения), оставалась тем не менее на сравнительно высоком по тайваньским меркам уровне: в октябре 2007 г. – 3,92% (см. [12, 07.12.2007]).

© Мозиас П.М., 2009

В то же время ряд внешнеэкономических показателей свидетельствует об укреплении позиций Тайваня на мировых рынках. Тайвань оставался крупнейшим в мире производителем персональных компьютеров и периферийных устройств к ним, в частности, на мировом рынке ноутбуков его доля достигала в 2006 г. 83,3% (см. [12, 06.07.2007]). Внешнеторговый оборот Тайваня увеличился с 351,1 млрд. в 2004 г. до 459,7 млрд. ам. долл. в 2007 г., а экспорт за этот период вырос с 182,4 млрд. до 242,5 млрд. ам. долл. (см. [12, 18.01.2008]). Резко увеличились показатели прямых иностранных инвестиций в тайваньскую экономику. В 2004 г. объем вновь осуществленных инвестиций составил 3,95 млрд., а в 2005 г. – 4,23 млрд. ам. долл., что соответствовало тенденциям предыдущих лет. Но в 2006 г. был отмечен рост прямых иностранных вложений до 13,97 млрд., а за период с января по сентябрь 2007 г. такого рода вложения достигали 10,16 млрд. ам. долл. (см. [12, 30.11.2007]). С четвертого квартала 2005 г. наблюдался подъем на фондовом рынке Тайваня, причем в значительной степени он был обусловлен многомиллиардным притоком иностранных портфельных инвестиций. В середине 2007 г. индекс тайбэйской фондовой биржи достиг максимального значения за 7 лет, доля иностранных инвесторов в совокупной капитализации рынка увеличилась с 18,8% в конце 2003 г. до 34,7% в июне 2007 г. (см. [12, 05.11.2004, 29.06.2007]). Накопленные валютные резервы Тайваня в конце ноября 2007 г. составляли 270,09 млрд. ам. долл., по этому показателю остров уступал только КНР, Японии и России (см. [12, 21.12.2007]).

Замедление динамики экономического роста на Тайване в последние годы дает многим наблюдателям основания утверждать, что представители ДПП, впервые получившие реальную власть, оказались неспособными к конструктивной работе в экономической области или по крайней мере, что политическая атмосфера, воцарившаяся в период правления Чэнь Шуйбяня, оказывала на тайваньскую экономику резко негативное влияние. Действительно, хотя в 2004 г. Чэнь избрался на второй срок, победив уже не разрозненных конкурентов, а единый оппозиционный блок, получив несколько более 50% от числа участвовавших в голосовании и став номинально «президентом большинства», это так и не привело к стабилизации политической ситуации. Накал в противостоянии исполнительной власти и контролируемого оппозицией Законодательного юаня не снижался. Показательно, что бюджет на 2007 г. был принят парламентом только в июне 2007 г., хотя по действующему Бюджетному кодексу все соответствующие процедуры должны быть завершены за месяц до начала очередного финансового года (до 1 января), и связано это было с затянувшимся торгом между фракциями ДПП и ГМД по поводу персонального состава Центризбиркома в преддверии выборов 2008 г.

Один за другим вспыхивали коррупционные скандалы, затронувшие в конце концов лично президента и членов его семьи. В течение 2006 г. оппозиция трижды инициировала в парламенте процедуру импичмента, а на улицах Тайбэя разворачивалась многомесячная акция так называемой

«краснорубашечной армии», требовавшей отставки президента. К тому же после законодательных изменений 2003–2005 гг., сделавших возможным проведение на Тайване референдумов, противоборствующие силы не преминули задействовать новое оружие политической борьбы: в пикку друг другу и ДПП, и ГМД неоднократно выносили на общенациональное голосование наиболее острые, болезненные внутри- и внешнеполитические вопросы². Практически ежегодно происходила смена правительств, и почти каждое из них предлагало собственный план социально-экономического развития на среднесрочную перспективу³. На протяжении всех восьми лет президентства Чэнь Шуйбяня сохранялась тупиковая ситуация в политических отношениях с КНР, причем риторика лидеров ДПП по поводу отношений «через Пролив» с течением времени становилась все более конфронтационной, и все это происходило на фоне массового переноса тайваньскими предпринимателями производств с острова на материк.

Можно ли вообще тогда говорить о некоей осмысленной, последовательной экономической политике администрации ДПП? Если оставить в стороне эмоции, то надо признать, что динамика экономического развития в конечном счете всегда определяется объективными факторами, хотя политика властей, безусловно, оказывает на экономические процессы важнейшее, зачастую решающее влияние. Экономическая политика может достигать позитивных результатов, базируясь на понимании объективных закономерностей, а может и, напротив, приводить к негативным последствиям, если она воздействует на объективные процессы неадекватно. При этом результативность экономической политики во многом определяется тем, как она разрабатывается и осуществляется; тем, насколько развиты в обществе институты, с помощью которых власти могут реализовывать поставленные цели. Эти общие соображения актуальны и при оценке такого действительно сложного явления, как экономическая политика ДПП. Оставаясь на почве реальности, приходится констатировать, что характер экономической динамики на Тайване в последние годы был обусловлен целым комплексом разнопорядковых обстоятельств. Многие из них можно назвать «болезнями роста», свойственными той стадии развития, на которой находятся тайваньская экономика и тайваньское общество.

К числу **краткосрочных факторов**, сдерживавших экономический рост, относится, в частности, превалировавшая в течение нескольких лет тенденция к повышению цен на мировом рынке нефти. Она весьма болезненна для Тайваня, где 98% потребностей в углеводородах удовлетворяется за счет импорта⁴. Если годы экономического спада и посткризисной депрессии первой половины 2000-х годов прошли под знаком дефляции (в 2002 г. индекс потребительских цен на Тайване снизился на 0,2%, а в 2003 г. – на 0,3%), то с 2004 г. отмечалось оживление инфляционного процесса. В 2004 г. прирост потребительских цен составил 1,6%, а в 2005 г. – 2,3%. Правда, в 2006 г. он замедлился до 0,6%. Но в 2007 г. к росту цен на нефть добавился общемировой скачок цен на

продовольствие, и, как следствие, потребительская инфляция на Тайване достигла в октябре 2007 г. 5,3% в годовом исчислении – максимального показателя за 13 лет (см. [12, 16.11.2007]). Ускорение инфляции происходило на фоне вызванной притоком спекулятивного капитала из-за рубежа постепенной ревальвации нового тайваньского доллара (НТД). Результатом комбинированного действия этих двух факторов было ухудшение ценовой конкурентоспособности тайваньских компаний. В то же время возможности фирм привлекать кредиты и финансировать таким образом свою инвестиционную деятельность ограничивались из-за ужесточения денежной политики, ставшего реакцией монетарных властей на оживление инфляции. Тайваньский Центробанк последовательно повышал процентные ставки начиная с четвертого квартала 2004 г. и вплоть до весны 2008 г. И если сначала он делал это для купирования возможных инфляционных эффектов, связанных с переходом экономики от спада к росту, то затем денежное ужесточение приобрело характер стабилизационных мероприятий, призванных защитить экономику от инфляционных волн, приходящих с международных рынков.

На рубеже 2005–2006 гг. проявился еще один фактор угнетения совокупного спроса, на этот раз – не в корпоративном, а в потребительском секторе: лопнул «мыльный пузырь» на перегревшемся рынке банковских кредитных карт. На протяжении нескольких предыдущих лет тайваньские банки, испытывавшие проблемы из-за низкой рентабельности традиционных кредитных операций, активно привлекали клиентов на этот рынок. Используя карту, заемщик мог получить деньги из банкомата без предоставления какого-либо залога или поручительства. «Карточный бум» затронул значительную часть тайваньского общества, причем по результатам проведенного в 2005 г. исследования выяснилось, что 52% клиентов на этом рынке были обладателями не менее двух карт, а 10% – не менее четырех карт. На вопрос, каким образом они погашают задолженность банку, 23% респондентов ответили, что делают это, используя карты, выпущенные другими банками (см. [12, 22.04.2005]).

Между тем плата за пользование такого рода кредитами достигала 18–20%, и в конце концов пирамида потребительской задолженности зашаталась и рухнула: по оценкам, в первой половине 2006 г. не менее 500 тыс. обладателей карт (это почти 5% всех занятых в экономике Тайваня) оказались не в состоянии осуществлять выплаты по кредитам (см. [12, 03.03.2006]). Вообще говоря, ничего уникального в этой истории нет: несколькими годами ранее подобные кризисы на рынках кредитных карт происходили в Южной Корее и Сингапуре, так что, по-видимому, речь идет о своего рода переломных моментах развития кредитной культуры в модернизирующихся обществах. Теперь уже и тайваньский опыт показывает, что такой кризис преодолевается за 1,5–2 года. Но в течение этого срока экономика испытывает трудности, прежде всего – из-за сокращения продаж потребительских товаров длительного пользования (автомобилей, телевизоров, холодильников и т.д.).

В **среднесрочном плане** перед Тайванем, вступившим в постиндустриальную эпоху, стоят задачи «выращивания» новых отраслей-лидеров экономического роста, нахождения новых отраслей международной специализации. События начала 2000-х годов показали, что при всех успехах тайваньской индустрии информационных технологий чрезмерная зависимость экономики от одного ведущего сектора, отсутствие технологических «прорывов» на других направлениях могут оборачиваться макроэкономическими потрясениями в случае резких колебаний мировой конъюнктуры. Но диверсификация высокотехнологичных промышленных отраслей сдерживается относительной слабостью тайваньской сферы НИОКР, привычкой компаний экспортного сектора работать по заимствованным технологиям и под иностранными брендами. А реализации давно вынашиваемых планов превращения Тайваня в международный центр финансовых, логистических и транспортных услуг препятствуют маргинальный политический статус острова, неопределенность в отношениях с КНР, в том числе отсутствие прямого транспортного сообщения между берегами Тайваньского пролива.

«Китайский фактор» вообще так или иначе отбрасывает тень на все аспекты структурной перестройки тайваньской экономики. Двусторонние хозяйственные связи достигли таких масштабов, что приходится говорить уже не просто о торговом и инвестиционном сотрудничестве на основе взаимодополняемости экономик, а о взаимозависимости, базирующейся на производственной кооперации. КНР является первым по значению внешнеторговым партнером и главным экспортным рынком Тайваня. По данным статистики КНР, на конец февраля 2008 г. на материке существовало около 75 тыс. предприятий с участием тайваньских инвесторов, реально вложенные тайваньские инвестиции составляли 46,1 млрд. ам. долл. С учетом вложений, осуществленных через третьи стороны, накопленные тайваньские инвестиции ориентировочно достигают 70 млрд. ам. долл., что составляет не менее 70% общего объема вывоза прямых инвестиций с Тайваня (см. [15, 10.04.2008]). До конца 1990-х годов на материк перемещали свои производства главным образом терявшие конкурентоспособность из-за роста издержек на самом Тайване компании традиционных отраслей, привлеченные дешевизной китайских трудовых и земельных ресурсов. Но затем к инвестициям в китайскую экономику стали все более активно прибегать и фирмы тайваньского сектора информационных технологий. В результате к настоящему времени до 70% стоимостного объема выпуска этого сектора фактически производится на материке, хотя большая часть компонентов для сборки поставляется туда с Тайваня.

По оценкам, сотрудничество «через Пролив» добавляет тайваньскому экономическому росту 1–2 процентных пункта ежегодно (см. [16, 2002, №5, с. 31–39; 18, 2001, № 2, с. 5]). Тем не менее природа вывоза тайваньского капитала на материк неоднозначна. Нет оснований говорить об истощении финансовых, инвестиционных ресурсов Тайваня – об этом свидетельствуют такие показатели, как по-прежнему высокая

норма сбережения на острове, значительное положительное сальдо во внешней торговле и т.д. Вывоз капитала в КНР компаниями традиционных отраслей дает еще один шанс соответствующим производствам, а для тайваньской экономики освобождение от них и есть не что иное, как развитие тенденции к постиндустриализации. Но сами по себе огромные масштабы перемещения капиталов и предпринимательских ресурсов на другую сторону Пролива, а также то, что к этому стали проявлять интерес и компании новейших отраслей, – все это позволяет утверждать, что по крайней мере часть тайваньского бизнес-сообщества не проявляет желания участвовать в технологической перестройке собственно островной экономики, предпочитает не создавать новые конкурентные преимущества, а реализовывать на китайском рынке уже имеющиеся.

Ход структурной перестройки осложняется и происходящей адаптацией Тайваня к членству во Всемирной торговой организации. Предусмотренные при присоединении к ВТО в 2001 г. меры по либерализации внешней торговли и допуску иностранного капитала в ранее запретные для него отрасли (главным образом в различные области сферы услуг) были осуществлены уже в 2002–2005 гг. Но «китайский вариант», когда присоединение к ВТО практически сразу повлекло за собой резкий рост экспорта КНР (в 2001–2007 гг. он увеличился почти в 4 раза), в условиях Тайваня воспроизвести было заведомо нереально, ибо две экономики находятся на разных стадиях развития. Переживающая процесс индустриализации КНР смогла обеспечить скачкообразный рост экспорта за счет наращивания вывоза товаров обрабатывающей промышленности. Постиндустриальная тайваньская экономика, где более двух третей ВВП приходится на услуги, а многие из них являются неторгуемыми, может получить позитивный эффект от членства в ВТО только с определенным временным лагом – в виде повышения конкурентоспособности новых отраслей-лидеров. По-видимому, середина 2000-х годов как раз и была тем периодом, когда уже проявились негативные последствия усиления внешней конкуренции, дополнительно угнетающие экономический рост, но еще не стали осязаемыми позитивные результаты осуществленной либерализации.

Наконец, с точки зрения **долгосрочной перспективы** задачи, которые пришлось бы решать любому тайваньскому правительству независимо от его партийной принадлежности, – это «достройка» новой системы институтов, обеспечивающих социально-экономическое развитие; доведение до логического конца тех либерализационных экономических реформ, которые начались еще в 1980-е годы и были тесно переплетены с процессами политической демократизации. На самом деле ожидать от современной тайваньской экономики темпов роста на уровне времен «экономического чуда» бессмысленно: развитая экономика всегда растет медленнее, чем развивающаяся, а та политико-экономическая система, которая генерировала в 1960–1980-е годы высокие темпы роста, давно изжила себя. Отчасти она была демонтирована еще до прихода к власти ДПП усилиями реформаторского крыла Гоминьдана, а то, что осталось

от нее в виде рудиментов, как раз и образует в современной социально-экономической структуре Тайваня «узкие места», требующие «расширки» путем дальнейших реформ.

В прошлом экономические достижения тайваньского авторитаризма были связаны не только с приверженностью политике экспортной ориентации, но и с тем, что в рамках партократического режима была создана эффективная для того времени система взаимодействия государства и частного бизнеса. В условиях, когда отраслевая структура экономики была несбалансированной, а рынки факторов производства еще только складывались, государство непосредственно стимулировало частных предпринимателей к освоению новых сфер деятельности и брало при этом на себя часть инвестиционных рисков. С начала 1960-х годов на Тайване существовала разветвленная система налоговых льгот для компаний; приоритетные отрасли экономики напрямую субсидировались из специальных государственных внебюджетных фондов, они получали кредиты под льготные процентные ставки от банковской системы, которая тогда почти полностью контролировалась государством. Сама институциональная структура тайваньского корпоративного сектора была дуальной. В ориентированных на экспорт промышленных отраслях, производивших главным образом товары потребительского назначения, преобладали малые и средние частные компании, тогда как отрасли тяжелой промышленности, удовлетворяющие нужды экономики в сырье и других товарах инвестиционного спроса, развивались главным образом усилиями крупных государственных предприятий, которые выступали либо как производители-агенты импортзамещения, либо как импортеры-монополисты.

Однако сами успехи развития в рамках такой модели готовят почву для ее трансформации. Созревание национальных рынков капитала открывает частному бизнесу возможности финансирования, альтернативные государственным субсидиям. Формирование в экономике конкурентных механизмов делает очевидными те пределы для повышения эффективности, которые присущи государственному предпринимательству, в том числе в банковской сфере. Издержки от предоставления налоговых льгот, связанные с дискриминацией отдельных категорий налогоплательщиков, начинают перевешивать вызываемый льготами стимулирующий эффект. Повышение конкурентоспособности национальных компаний делает ненужным былой жесткий внешнеторговый протекционизм. На повестку дня выдвигаются задачи приватизации, финансовой и внешнеэкономической либерализации.

Экспортная специализация тайваньской экономики в 1960–1970-е годы на товарах, при производстве которых использовалось преимущество низкой стоимости рабочей силы на острове, была возможна не только благодаря сохранению в те годы избыточных трудовых ресурсов в традиционном аграрном и городском неформальном секторах. Важно и то, что политический авторитаризм не оставлял места для существования профсоюзов, независимых от государства и предпринимателей, а его

социальная политика ограничивалась поддержкой некоторых страт, чья лояльность рассматривалась режимом как условие сохранения контроля над всем обществом (чиновники, военные, школьные учителя).

Однако по мере повышения уровня доходов на душу населения возможности для трудоемкой специализации исчерпываются. Экономика, достигшая индустриальной зрелости, перераспределяющая ресурсы в пользу развития сферы услуг, нуждается не только в изменении структуры экспорта, но и в большей, чем раньше, опоре экономического роста на внутренний спрос. Социальная структура усложняется, происходит формирование среднего класса, но одновременно усиливается и неравенство в распределении богатства: разрыв в уровне средних располагаемых доходов между 20% наиболее обеспеченных и 20% наименее обеспеченных домохозяйств увеличился с 4,10 в 1980 г. до 5,20 в 1992 г. и до 6,04 раза в 2005 г. (см. [7, р. 70; 12, 25.08.2006]). Политическая демократизация предоставляет различным социальным группам, в том числе и тем, кто считает себя обделенными при разделе общественного «пирога», возможности для выражения своих интересов. Тем самым складываются необходимые и достаточные условия для активизации социальной, перераспределительной политики.

У этих процессов есть и еще одно, демографическое, измерение. Сопровождающий модернизацию «демографический переход» (снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни) был на Тайване более быстрым и резким, чем в свое время в западных странах: на Тайване он занял около 30 лет, тогда как в Европе и Северной Америке – растянулся на два столетия. Этому способствовали не только ускоренные темпы индустриализации и урбанизации, повышение качества жизни, изменение статуса женщин в обществе, но и проводившаяся властями в 1964–1992 гг. специальная политика по ограничению рождаемости. Коэффициент фертильности, измеряющий среднее число рождений, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста, снизился с 6 в 1951 г. до 2 в 1984 г. и до 1,12 в 2005 г. С 1951 по 2003 г. средняя продолжительность жизни тайваньских мужчин увеличилась с 53 до 73 лет, а женщин – с 56 до 79 лет (см. [11, р. 216; 12, 19.12.2003]). По имеющимся прогнозам, уже к 2016 г. прирост населения на острове станет нулевым. Доля лиц старше 65 лет в общей численности населения с 1993 г. превышает отметку в 7%, что по классификации ООН считается показателем «стареющего общества». Ожидается, что к 2017 г. эта доля удвоится и тайваньское общество перейдет в категорию «старых».

Формирующиеся структурные дефициты рабочей силы уже стали ограничителями экономического роста со стороны предложения. С широким распространением современного типа нуклеарной семьи перестают работать традиционные механизмы социальной поддержки, в рамках которых расходы на содержание пожилых людей несли их многочисленные дети. Спрос на медицинские услуги увеличивается не только из-за «старения» населения, но и потому, что качественное здравоохранение необходимо

для воспроизводства нужного постиндустриальной экономике человеческого капитала. Общенациональные системы пенсионного обеспечения и медицинского страхования, по существу отсутствовавшие во времена «экономического чуда», приходится, таким образом, создавать не только потому, что общество может это теперь себе позволить с финансовой точки зрения, но и потому, что без этого невозможно дальнейшее поступательное развитие.

Будучи в 1990-е годы в оппозиции, ДПП критиковала проводившиеся тогда Гоминьданом реформы за недостаточный радикализм. Но уже практика тех лет свидетельствовала, что, как и любая масштабная трансформация, уменьшение присутствия государства в экономике и активизация его социальной политики не могут быть бесконфликтными. Они оказывают болезненное воздействие на сложившуюся структуру групповых интересов, тем более что в последней всегда присутствовала значительная этническая составляющая: в государственном аппарате и менеджменте госпредприятий на первых ролях были выходцы с материка, мигрировавшие на остров после 1949 г., а уделом коренных тайваньцев была работа в частном секторе. Поступаться привычными позициями не хочется не только чиновникам, но и рядовым работникам государственных предприятий – еще в 1990-е годы усилиями последних не единожды были парализованы попытки приватизации госкомпаний (см. [8, р. 108–110; 14, с. 333–335]). Происходящие изменения воспринимаются обществом как конфликтные еще и потому, что промежуточным результатом экономической либерализации и демократизации стал новый вариант сращивания политической и деловой элиты – теперь уже не в недрах партократического государства, а в рамках электоральной политики⁵. Если выборы превращаются в соревнование партийных спонсоров, в том числе дельцов «теневой экономики», а работу органов власти определяет борьба лоббистских группировок, складывающихся из представителей как правящей партии, так и оппозиции, то рядовой избиратель не без оснований рассматривает все это как потерю экономической политикой ясных ориентиров, как ухудшение ее качества по сравнению с авторитарными временами.

Таковы институциональный контекст и основные социально-экономические вызовы, с которыми пришлось иметь дело администрации Чэнь Шуйбяня. Насколько адекватной им оказалась проводившаяся ДПП экономическая политика? Во всяком случае, нельзя не признать, что определенные варианты решения проблем обществу были действительно предложены.

В области **макроэкономического регулирования и планирования развития** видимая изменчивость правительственного курса отчасти объяснялась тем, что попытки администрации стимулировать экономический рост и занятость методами фискальной политики наталкивались на obstruction со стороны Законодательного юаня, от которого зависело принятие соответствующих расходных решений. Подобная судьба постигла, в частности, предложения, сделанные еще в 2003 г. правительством Ю

Сикуня в рамках плана «Вызов-2008», о реализации 10 инвестиционных мегапроектов. Речь шла о государственных вложениях в строительство железных и автомобильных дорог, очистных сооружений и водохранилищ, модернизацию Гаосюнского морского порта, развитие телекоммуникационных и информационных сетей, системы университетского образования и т.д. Обсуждение этих проектов в парламенте затянулось до середины 2006 г., и в конечном счете их совокупный бюджет был урезан с суммы, эквивалентной 15,4 млрд., до 2,99 млрд. ам. долл. (см. [12, 05.12.2003, 07.07.2006]). В таких условиях сформированное в феврале 2005 г. правительство Се Чантина вынуждено было ограничиться менее амбициозными задачами. Обнародованный в мае 2005 г. новый план стимулирования экономики предусматривал привлечение инвестиций в инфраструктурные проекты на началах частно-государственного партнерства; кредитную поддержку малого бизнеса; субсидирование государством процентных ставок по ипотечным кредитам для заемщиков, впервые покупающих жилье (см. [12, 25.05.2005]).

Впрочем, надолго оставить экономический курс на столь «приземленном» уровне администрация Чэнь Шуйбяня не могла, и не только по чисто хозяйственным, но и по политическим соображениям. 2006 год выдался особенно трудным для президента. ДПП потерпела серьезное поражение на муниципальных выборах в декабре 2005 г., и, как следствие, в январе 2006 г. произошло формирование нового кабинета во главе с Су Чжэньчаном. Весной 2006 г. под ударом следственных органов оказались «первая леди» У Шучжэнь, якобы получившая от одной из розничных торговых сетей бесплатные купоны на сотни тысяч долларов, и президентский зять Чжао Цзяньмин, обвиненный в инсайдерской торговле акциями. И если обычно Чэнь Шуйбянь искал выходы из кризисных ситуаций, мобилизуя свою базу поддержки из числа идеологических сторонников независимости Тайваня, то на этот раз было решено продемонстрировать также и стратегическое видение экономических перспектив. Администрация пошла проторенным путем: подобно тому как это было в августе 2001 г., в разгар экономического спада, в июле 2006 г. была созвана Национальная конференция по устойчивому экономическому развитию Тайваня (оппозиция ее бойкотировала). По ее итогам на свет появилась новая правительственная программа «Большие инвестиции, большое тепло», рассчитанная на период до 2015 г.

Как явствует уже из названия, новый план ориентировался на решение не только собственно экономических, но и социальных проблем. Предполагалось обеспечить среднегодовые темпы экономического роста на уровне 5%, удерживать безработицу в рамках 4%, а инфляцию – 2%. К 2015 г. показатель ВВП на душу населения должен был увеличиться до 30 000 ам. долл. в год (фактический показатель в 2006 г. – 16 073 ам. долл.). Программа предусматривала расходы на региональное развитие, призванные уменьшить разрыв в уровнях доходов между городскими и сельскими районами; на стимулирование рождаемости; на повышение качества

здравоохранения и т.п. Общая смета намеченных мероприятий составляла 35,3 млрд. ам. долл., из которых 22 млрд. должны были пойти на инфраструктурное строительство. На вопрос, откуда, собственно, возьмутся такие огромные деньги, представители правительства отвечали, что в программу включены уже реально осуществляемые инвестиции на 26 млрд. ам. долл., и вновь мобилизовать надо будет только около 9 млрд., причем из них на государственные средства придется только 30% (см. [12, 29.09., 03.11.2006]).

В течение 2007 г. отдельные мероприятия в рамках этого плана начали реализовываться: была принята государственная программа финансирования услуг по уходу за престарелыми и инвалидами на дому; одобрены меры по обновлению жилого фонда и развитию инфраструктуры на селе (см. [12, 03.03., 22.06.2007]). Но в целом оценивать задним числом реализуемость программы «Большие инвестиции, большое тепло» бессмысленно ввиду ее явно политизированного, предвыборного характера, тем более что она все равно не помогла ДПП выиграть кампании 2008 г.

Гораздо менее подверженной воздействию конъюнктуры была **промышленная политика** администрации ДПП. Заявленный еще в 2003 г. курс на создание новых «локомотивов» экономики, способных составить компанию компьютерному кластеру, получил название «Два триллиона, две звезды». Имелось в виду, что стоимостные объемы производства полупроводников и жидкокристаллических мониторов уже в 2006 г. должны были превысить отметку в 1 трлн. НГД по каждой отрасли (в реальности достичь этого не удалось, но мировым лидером на соответствующих рынках Тайвань все-таки стал). В качестве «двух звезд», имеющих наилучшие заделы на будущее, рассматривались биотехнологии (производство новых лекарств, генетически модифицированных продуктов питания, медицинского оборудования, разработка новых методов диагностики и т.д.) и цифровой контент (программное обеспечение, компьютерные игры, сетевые услуги и т.д.). В частности, в развитие этой линии для финансовой подпитки биотехнологического сектора Исполнительный юань в 2005 г. санкционировал создание целой сети специализированных венчурных фондов. В июне 2007 г. совместными усилиями правящей партии и оппозиции был принят Закон о развитии биотехнологий и новой фармацевтики, разрешивший сотрудникам государственных исследовательских институтов выступать в качестве акционеров и менеджеров частных биоинженерных компаний. При этом закон освободил их от уплаты налога на доходы по акциям компании на весь срок до перепродажи акций. Кроме того, биотехнологическим компаниям было разрешено в течение первых пяти лет деятельности уменьшать свои налоговые отчисления на величину, эквивалентную 35% их совокупных расходов на НИОКР и на подготовку персонала. Определенные результаты были получены: по некоторым видам медицинского оборудования (электронные термометры, цифровые датчики кровяного давления и др.) доля Тайваня на мировых рынках уже превышает 30% (см. [12, 28.01.2005, 29.06.2007]).

В рамках усилий по развитию научно-технологического потенциала Тайваня власти последовательно поощряли создание на острове региональных исследовательских подразделений транснациональных компаний. Одной из преференций при этом выступала упрощенная процедура натурализации для иностранных специалистов, в том числе граждан КНР. В 2005–2007 гг. свои центры НИОКР создали на острове такие известные компании, как американские DuPont, Motorola, IBM, японская Fujitsu, финская Nokia, канадская Nortel и др. Министерство экономики Тайваня в конце 2005 г. приняло специальную программу культивирования международно признанных тайваньских торговых марок. Планировалось, что к 2012 г. как минимум два тайваньских бренда войдут в сотню ведущих в мире. Для помощи частному бизнесу в решении этой задачи три государственные организации (Фонд развития при Исполнительном юане, Тайваньский совет по развитию внешней торговли и Фонд поощрения торговли при Минэкономике) создали на паевых началах венчурную компанию (см. [12, 10.02.2006]).

За годы правления ДПП в Тайчжуне был создан еще один, третий на острове, научно-промышленный парк – в дополнение к уже действовавшим в Синьчжу и Тайнани. Впервые в тайваньской практике стали создаваться свободные таможенные зоны, культивирующие сферу международных торгово-посреднических услуг: законодательство о них было принято в 2003 г., а к концу 2005 г. на острове существовало уже пять таких зон – в морских портах Тайбэя, Цзилуна, Гаосюна, Тайчжуна и вблизи международного аэропорта в Таоюане (см. [12, 14.10.2005]).

Поощряя приоритетные отрасли, в том числе и фискальными стимулами, администрация ДПП в середине 2000-х годов решила тем не менее и на давно назревшую корректировку **налоговой политики** в сторону устоявшегося. Проблема узости налогооблагаемой базы приобрела остроту по причинам как чисто экономического, так и социального свойства. Бюджетный дефицит в 2003 г. достигал 3,7% ВВП, а в 2004 г. – 3,6% ВВП, тогда как в международной практике «границей опасности» считается уровень в 3% ВВП. Причем такая ситуация имела уже достаточно длительную предысторию. Если в 1970–1980-е годы сальдо консолидированного бюджета было по преимуществу положительным, то после 1989 г. превышение доходов над расходами было отмечено лишь однажды (в 1998 г.), а в течение всех остальных лет бюджет сводился с дефицитом. Со стороны расходов главными причинами дисбаланса были массивные ассигнования на инфраструктурное строительство и происходившая в условиях политической демократизации экспансия социальных обязательств государства, а со стороны доходов – то, что расцвет политического лоббизма в 1990-е годы привел к еще большему разрастанию системы налоговых льгот. В свою очередь, в условиях экономического спада начала 2000-х годов администрация Чэнь Шуйбяня вводила новые налоговые льготы в качестве мер антикризисной политики для реанимации инвестиционного процесса.

В результате доля совокупных налоговых поступлений в ВВП снизилась с 20,1% в 1990 г. до 12,5% в 2004 г., а накопленный государственный долг увеличился с 6,0% ВВП в 1991 г. до 36,6% ВВП в 2004 г. (см. [12, 24.09.2004]). В наилучшем положении оказались как раз наиболее рентабельные компании сектора информационных технологий и владевшие ими бизнесмены. Согласно обнародованным в 2004 г. данным тайваньского Министерства финансов ведущие производители интегральных схем в течение ряда лет платили корпоративный налог на доходы по реальной эффективной ставке всего в 1%, а 8 из 40 богатейших людей Тайваня вообще не платили подоходный налог. Основная фискальная нагрузка легла на плечи среднего класса: до 75% всех налоговых поступлений приходилось на обложение доходов работающих по найму (см. [12, 24.09.2004, 04.03., 09.09.2005]).

Действующий с 1991 г. «Статут о технологической перестройке промышленности» предписывает Министерству экономики каждые два года проводить ревизию перечня стратегических отраслей, в которых вновь создаваемые предприятия имеют право на «налоговые каникулы». При очередном таком пересмотре в 2005 г. перечень был сокращен на 51 позицию (устранено 87, а добавлено 36). Но прямолинейная отмена льгот была бы чревата острым конфликтом между правительством и бизнесом, чем неминуемо воспользовалась бы оппозиция. Налоговая реформа пошла поэтому более сложным путем.

В 2005 г. Министерство экономики разработало и ввело в действие «механизм выхода», т.е. систему критериев, по которым отрасль может быть выведена из списка стратегических еще до его общего пересмотра: это возможно, если три и более производителя в отрасли становятся рентабельными; или коллективная доля тайваньских производителей данного товара на мировом рынке достигает 30%; или Исполнительный юань считает, что предоставление льгот более не соответствует национальным интересам (см. [12, 25.03.2005]).

С января 2006 г. вступил в силу новый Кодекс подоходного налогообложения. Формально новый закон не отменял действовавшие налоговые льготы. Но для их компенсации была фактически учреждена параллельная система налогообложения в виде так называемых минимальных ставок налогов на доходы. Устанавливалось, что компания, годовая прибыль которой превышает 60 тыс. ам. долл., должна уплачивать корпоративный налог на доходы по ставке не менее 10%. Если физическое лицо получает в год более 180 тыс. ам. долл., то ему нужно заплатить подоходный налог по ставке не менее 20% (см. [12, 23.12.2005]).

Поскольку в общественном мнении эта система воспринималась как «налоги на богатых» и ее введение сулило политический выигрыш как ДПП, так и оппозиции, то правительству удалось относительно легко провести свой законопроект через парламент. Однако «окно возможностей» для принципиальных изменений в налоговой области после этого закрылось. Обострение политической обстановки сделало нереальным принятие

внесенных правительством в Законодательный юань осенью 2006 г. предложений отменить 100%-ные налоговые льготы для военнослужащих и школьных учителей, сохранившиеся еще с 1950-х годов. О долгосрочных последствиях происшедших изменений в налоговой сфере судить пока трудно. Но во всяком случае бюджетный дефицит в течение второго президентства Чэнь Шуйбяня последовательно снижался: с 2,5% ВВП в 2005 г. до 1,7% в 2006 г. и 0,8% ВВП в 2007 г.

С переменным успехом решались застарелые проблемы и в ходе **банковской реформы**, растянувшейся на весь период пребывания ДПП у власти. Надо сказать, что в идеологии тайваньской экономической политики еще с середины 1990-х годов уживались две тенденции: намерение превратить остров в международный финансовый центр и в то же время – констатация слабости собственной банковской системы. Впрочем, ничего удивительного тут нет: финансовый сектор рассматривался как перспективная сфера постиндустриальной специализации, но промежуточные результаты финансовой либерализации, осуществленной гоминьдановскими правительствами, выглядели весьма противоречиво.

До конца 1980-х годов банковская система оставалась почти полностью огосударственной, но затем процедуры вхождения в нее новых тайваньских и иностранных «игроков» стали упрощаться; была осуществлена частичная приватизация госбанков. Причем происходило это в условиях, когда в экономике Тайваня наблюдался избыток ликвидности, порожденный устойчивым внешнеторговым профицитом и накоплением крупных валютных резервов. Как следствие, в 1990-е годы банковский сектор пережил бурную экспансию: число тайваньских банков общенационального уровня увеличилось с 16 в 1990 г. до 54 в 2001 г. (см. [9, p. 151]). Если в большинстве развитых стран на рынках банковских услуг существуют олигопольные структуры, то на Тайване к началу XXI в. действовали преимущественно небольшие банки, ожесточенно конкурировавшие друг с другом. В 2001 г. совокупная доля на рынке пяти крупнейших тайваньских банков едва превышала 30%. Даже после приватизации 1990-х годов государство продолжало полностью или частично контролировать капитал почти трети банков, на которые в совокупности приходилось около 60% банковских активов. Низкая рентабельность банков была связана не только со слишком большим числом участников в отрасли, но и с тем, что сохранялись многочисленные правовые барьеры для движения капитала между отдельными финансовыми рынками, и банки не имели возможности осваивать смежные виды деятельности (на рынках страхования, акций, фьючерсов и т.д.). Системные риски, существовавшие в банковском секторе, проявились в полной мере в условиях экономического спада начала 2000-х годов. Сокращение выручки у промышленных компаний-экспортеров привело к трудностям с возвратом полученных кредитов, и в банковском секторе стали как снежный ком накапливаться «плохие долги» – необслуживаемая и непогашаемая задолженность, ее доля в общем объеме кредитования достигла максимума (8,78%) в марте 2002 г. (см. [10, p. 169]).

Хронологически первый этап банковской реформы совпал с первым президентским сроком Чэнь Шуйбяня. Рекапитализацию банков, расчистку их балансов от «плохих долгов» власти стимулировали как напрямую – через вливания государственных средств из специально созданного Фонда финансовых преобразований, так и мерами косвенного воздействия. Государство поощряло создание самими финансовыми институтами компаний по кризисному управлению активами: они принимали на свой баланс «плохие долги», а затем перепродавали их на конкурсной основе, что должно было способствовать переходу фирм-должников в руки более эффективных собственников. Были приняты законы о секьюритизации финансовых активов и недвижимости, что способствовало формированию вторичного рынка кредитов. Было принято законодательство о финансовых холдингах, в рамках которых могут создаваться дочерние подразделения в виде коммерческих банков, страховых компаний, брокерских контор, венчурных фондов (см. [4]). К декабрю 2004 г. показатель «плохих долгов» в целом по банковской системе снизился до 3,28%, было создано 14 финансовых холдингов, из них только три контролировались государством (см. [11, p. 144, 150]). Происшедшая диверсификация деятельности участников финансовых рынков требовала более совершенных механизмов надзора, и в середине 2004 г. был создан мегарегулятор – Комиссия финансового контроля (КФК), в руках которой были объединены функции регулирования кредитных, страховых, фьючерсных и фондовых рынков.

Достигнутый прогресс побудил самого президента объявить в октябре 2004 г. о переходе ко второму этапу реформы. Теперь речь шла о поощрении слияний и поглощений в банковской отрасли, причем главная роль в этом процессе консолидации отводилась частному капиталу. Чэнь поставил задачи уже к концу 2005 г. приватизировать 6 из 12 государственных банков, а к концу 2006 г. – сократить число финансовых холдингов с 14 до 7. Он заявил и о позитивном отношении властей к возможному переходу некоторых тайваньских банков под контроль иностранных инвесторов. Вскоре после выступления президента КФК ввела мораторий на учреждение на острове новых банков, а уже действующие банки могли теперь открывать новые отделения, только если такая необходимость возникала в ходе реорганизации, сопровождающей слияния (см. [12, 05.11.2004]).

Поначалу события развивались многообещающе. К середине 2005 г. правительство сумело реализовать акции трех банков – Taiwan Development and Trust Corp., Bank of Overseas Chinese и Chang Hwa Commercial Bank. Банкам, стремившимся расширить свою долю на рынке, установленный КФК мораторий не оставлял другого варианта действий, кроме покупки чужого бизнеса. В частности, именно этим объясняли свое решение владельцы финансового холдинга Shin Kong, поглотившего в апреле 2005 г. частный банк Macoto (см. [12, 29.04., 12.08.2005]).

Однако уже осенью 2005 г. появились признаки того, что инициированная Чэнь Шуйбянем «кавалерийская атака» захлебывается. В сентябре

2005 г. сорвалась продажа принадлежавших государству 41% акций Taiwan Business Bank: сотрудники банка, опасавшиеся, что приватизация приведет к увольнениям части персонала, объявили забастовку, и после этого большинство участников приватизационного конкурса отозвали свои заявки (см. [12, 30.09.2005]). И этот случай, и практика предыдущих сделок свидетельствовали, что поддерживать высокую скорость реформы можно, только если правительство будет безальтернативно передавать активы избранным бизнес-группам. В такой ситуации властями начал реализовываться другой вариант консолидации – укрупнение банков, остающихся под государственным контролем. В ноябре 2005 г. было объявлено о слиянии банков Bank of Taiwan и Central Trust of China, в каждом из них государство владело 100% уставного капитала; а также о слиянии Taiwan Cooperative Bank, где государственная доля составляла 47,9%, с Farmers Bank of China, в котором госпакет составлял 28% (см. [12, 02.12.2005]). Но с конца 2005 г. правительству было уже не до реформы из-за разразившегося кризиса на рынке кредитных карт.

Действия властей по его урегулированию выглядели вполне разумными. В декабре 2005 г. КФК совместно с Ассоциацией банкиров учредила схему реструктуризации задолженности: испытывавшим трудности заемщикам, которые по состоянию на 15 декабря 2005 г. накопили задолженность на сумму более 9300 ам. долл. по картам двух и более банков, предоставлялась рассрочка по ее погашению на несколько лет с выплатой пониженных процентов, но при условии, что ежегодно будет погашаться не менее 15% основного долга. Ассоциация банкиров создала компанию по управлению активами, перепродававшую аккумулярованные банками «плохие долги» по кредитным картам. По состоянию на конец июня 2006 г. было подано более 190 тыс. заявлений на реструктуризацию и по более 163 тыс. из них была предоставлена рассрочка, так что общая сумма урегулированной задолженности достигла 7,6 млрд. ам. долл. В последующие месяцы число вновь поданных заявлений быстро снижалось, что свидетельствовало о преодолении острой фазы кризиса.

Для того чтобы уменьшить вероятность возникновения подобных ситуаций в будущем, КФК потребовала от банков начиная с 1 апреля 2006 г. либо устанавливать процентные ставки по картам в зависимости от кредитной истории клиента, либо увеличить ежемесячные выплаты по долгу с 2 до 10% от суммы фактических расходов, оплаченных при помощи карты (см. [12, 03.03., 17.03., 14.07.2006]). В июне 2007 г. Законодательный юань принял «Установления об урегулировании потребительской задолженности», которые фактически представляют собой первый в тайваньской практике законодательный акт о банкротствах физических лиц. Он определил, каким образом взаимоотношения между должниками и банками могут быть урегулированы в судебном порядке, если банк отказывается вести переговоры с неплатежеспособным клиентом (см. [12, 22.06.2007]).

Последней вспышкой активности администрации ДПП на ниве банковской реформы стало предложение, сделанное в августе 2007 г. тогдашним премьером Чжан Цзюньсюном, о создании мегабанка путем объединения в холдинг государственных Bank of Taiwan, Land Bank of Taiwan и Export-Import Bank of the ROC. Если судить по наличным показателям этих банков, то в результате слияния возник бы безусловный лидер отрасли, доля которого на кредитном рынке составила бы не менее 19%. Однако парламент отверг соответствующий законопроект, так как оппозиция сочла недопустимой утрату самостоятельности экспортно-импортным банком (см. [12, 31.08., 26.10.2007]). Вместе с тем в 2006–2007 гг. стали сбываться надежды на приход в тайваньский банковский сектор иностранных стратегических инвесторов. В ноябре 2006 г. английский Standard Chartered Bank поглотил тайваньский Hsinchu International Bank; в апреле 2007 г. американская Citigroup купила 100% акций Bank of Overseas Chinese; в июне 2007 г. голландский банк ABN Amro Holdings получил контроль над Taitung Business Bank (см. [12, 04.01.2008]). Итоги осуществленных преобразований, таким образом, неоднозначны: поступательное движение налицо; тайваньский финансовый сектор ныне выглядит совершенно по-другому, чем до прихода ДПП к власти; но задачу выращивания национальных финансовых «чемпионов», тем более – из числа частных банков, решить не удалось.

В социальной области важнейшим событием эпохи Чэнь Шуйбяня стала **пенсионная реформа**. К началу 2000-х годов пенсионная система на Тайване существовала только во фрагментарном виде. Гарантии выплаты пенсий с конца 1950-х годов имели государственные служащие, военные и учителя. В корпоративном секторе попытка внедрить принципы пенсионного страхования была предпринята с принятием в 1984 г. Закона о трудовых стандартах. По идее теперь все компании-работодатели должны были ежемесячно переводить в общенациональный пенсионный фонд определенные процентные начисления на зарплату каждого работника. Тем не менее это еще не гарантировало работникам получения регулярных пенсий по старости. По закону 1984 г. сотрудник, покидающий компанию, мог получить единовременную выплату в размере 45-кратной величины его среднего заработка за последние шесть месяцев работы. Но право на это имели только люди, проработавшие в данной компании не менее 25 лет, или же достигшие возраста 55 лет и отдавшие компании как минимум 15 лет жизни.

Абсолютное большинство занятых в частном секторе заведомо не подпадали под эти критерии. 98% тайваньских фирм – это небольшие компании, «цикл жизни» которых составляет в среднем всего 13 лет. Ради приспособления к рыночной конъюнктуре они склонны гибко варьировать численность персонала. Соответственно и рабочая сила на Тайване отличается высокой мобильностью; люди, занятые в частных компаниях, достаточно часто меняют место работы. Кроме того, до 90% тайваньских фирм на деле просто не осуществляли отчислений в пенсионный фонд,

предусмотренных законом 1984 г.: единственной санкцией за это был одноразовый штраф, эквивалентный 600 ам. долл., и компании предпочитали уплатить его, а на пенсионных взносах экономить. Так что если кто и мог реально получить какие-то пенсионные выплаты, то это были работники крупных, прежде всего – государственных предприятий, где люди обычно работали подолгу, а пенсионные отчисления действительно переводились. Большая же часть работающих тайваньцев могла в старости рассчитывать только на собственные сбережения или на помощь близких.

В ходе избирательной кампании 2000 г. Чэнь Шуйбянь обещал обеспечить всем пожилым людям ежемесячную пенсию не менее чем в 3000 НТД. В мае 2002 г. был принят закон, согласно которому выплаты в диапазоне от 3000 до 6000 НТД стали получать лица старше 65 лет нескольких категорий: фермеры; представители аборигенных народов; проживающие в семьях с низкими и средними доходами; а также «не охваченные иными видами пенсионного обеспечения» (т.е. как раз основная масса бывших работников частных компаний). Но источниками таких пособий являлись не страховые взносы, а непосредственно средства государственного бюджета, и подобное решение проблемы не могло быть долговременным, так как старение населения грозило усилить нагрузку на государственные финансы до критического уровня (см. [13, 2006, № 11, р. 12]).

Реформирование пенсионной системы в корпоративном секторе пошло поэтому по пути внедрения индивидуализированного пенсионного учета. В июне 2004 г. был принят, а с 1 июля 2005 г. вступил в действие Закон о трудовых пенсиях, согласно которому всем работникам открываются личные пенсионные счета, пополняемые на каждом месте работы. Компания-работодатель обязана переводить на такой счет сумму, эквивалентную 6% зарплаты работника. Последний может дополнительно по собственной воле откладывать на пенсионный счет до 6% своего заработка. Оба вида отчислений освобождаются от подоходного налогообложения. Величина штрафа для компаний, не осуществляющих пенсионные отчисления, увеличена до 30 000 ам. долл. Если работник достиг возраста в 60 лет и при этом его пенсионный счет пополнялся в течение 15 и более лет, то ему начинает выплачиваться ежемесячная пенсия. Ее размер определяется путем деления суммы, скопившейся на пенсионном счете, на среднестатистический «период дожития». Если же средства на счет поступали менее 15 лет, то накопленная сумма выдается одномоментно; благодаря этому условию воспользоваться новой системой могут и лица, работающие по краткосрочным договорам или на началах неполной занятости (см. [12, 25.06.2004, 08.07., 09.09.2005]).

В качестве компании, управляющей сбережениями на пенсионных счетах, был выбран государственный банк Central Trust of China. Законом 2004 г. установлено, что доходность по пенсионным накоплениям должна быть не меньше средней величины процентной ставки по двухгодичному депозиту, исчисленной по пяти государственным банкам. Но конкретные варианты инвестирования временно свободных средств тогда прописаны

не были, и поначалу по пенсионным счетам как раз и начислялись относительно невысокие банковские проценты. Только в марте 2007 г. Законодательный юань принял закон, разрешивший вкладывать средства пенсионного фонда в акции и производные финансовые инструменты, а также помещать их на валютные депозиты (см. [12, 09.03.2007]).

Идеологи пенсионной реформы неоднократно отмечали, что их конечная цель – это построение единой пенсионной системы, которая вберет в себя отдельные отраслевые и секторальные пенсионные программы и будет строиться на сочетании накопительных принципов и государственного субсидирования. Но довести эту линию до конца администрации ДПП не удалось, в том числе и из-за сопротивления социальных групп, привыкших к привилегированному положению. С конца 1950-х годов пенсии вышедших в отставку военных, чиновников и учителей переводились им на специальные депозиты, по которым была установлена преференциальная ставка в 18%, она всегда существенно превышала рыночную процентную ставку в банках, и разница покрывалась из госбюджета. В результате доходы этих категорий пенсионеров были даже выше их заработков в годы трудовой деятельности. С 1995 г. предоставление такой льготы вновь принимаемым на государственную службу прекратилось, но право на нее сохраняет большое число тех людей, кто работал в государственном аппарате в течение нескольких десятилетий. В конце 2005 г. правительство предложило отменить преференциальную ставку как социально несправедливую, но это вызвало столь сильные протесты заинтересованных групп, поддержанные парламентской оппозицией, что развить эта инициатива не получила (см. [12, 13.01.2006]).

В сфере **медицинского страхования** изменения в последние годы были менее существенными. Принципиальных корректив в функционирующую с 1995 г. Национальную программу медицинского страхования (под ее действие подпадает до 99% населения острова) не вносилось, хотя проблемы тут есть: после 1998 г. финансовый баланс программы сводится с постоянным дефицитом. В 2002 г. был принят закон, сделавший посещение врача и госпитализацию бесплатными для детей в возрасте до 3 лет, это была реализация еще одного обещания Чэня, сделанного в ходе кампании 2000 г. С начала 2005 г. все застрахованные лица стали получать индивидуальную пластиковую карту с микросхемой, на которой фиксируются данные о состоянии здоровья пациента (см. [12, 07.01.2005]).

Наиболее противоречивы результаты проводившейся администрацией ДПП **политики в отношении экономических связей с материковым Китаем**. В ретроспективе ее эволюция выглядит как зигзагообразная линия, движение вдоль которой происходило под влиянием мотивов преимущественно краткосрочного характера. Можно ли было вообще ожидать чего-то другого от людей, однозначно приверженных идее самоопределения Тайваня? И более того, можно ли себе представить, чтобы политика какой бы то ни было тайваньской администрации была однозначно ориентирована на развитие двустороннего экономического сотрудничества,

если учесть общий конфликтный контекст отношений «через Пролив» и сложную конфигурацию сил в тайваньском обществе, влияющих на формирование позиции властей по этому поводу?

Объективная логика экономических взаимосвязей ведет к снятию остающихся запретов и ограничений, и тайваньский бизнес активно лоббирует соответствующие меры по либерализации. Но при очевидной разности хозяйственных и людских потенциалов двух сторон вполне вероятно, что тайваньская экономика в конечном счете будет не просто привязана к материковой, но и поглощена ею, и это создаст предпосылки для возвращения острова под власть Пекина. А подобная перспектива не устраивает как идейных сторонников независимости Тайваня, так и тех островитян, кто не против воссоединения в принципе, но считает его возможным только в случае демократических перемен на материке. Опросы общественного мнения на Тайване из года в год дают одну и ту же картину: около 80% респондентов высказываются за обособленное существование острова, понимаемое одними как независимость, а другими – как сохранение ныне существующей неопределенности.

Поначалу подход к развитию двусторонних отношений, предлагавшийся Чэнь Шуйбянем, выглядел сбалансированным, учитывавшим разнонаправленные тенденции. В ходе президентской кампании 2000 г. Чэнь обещал поэтапное установление «трех прямых связей» (торговли без посредников, транспортного и почтового сообщения). В инаугурационной речи в мае 2000 г. он обещал не предпринимать формальных шагов по изменению политического статуса острова. Хотя вскоре после этого он взял на вооружение идею, высказывавшуюся еще предыдущим президентом Ли Дэнхуэем, о том, что объявлять независимость просто нет необходимости, поскольку Тайвань как реинкарнация существующей с 1912 г. Китайской Республики и так обладает суверенитетом.

С начала 2001 г. были установлены так называемые «три малые связи» между контролируемыми тайбэйской администрацией островами Цзиньмэнь и Мацзу – с одной стороны, и портами Фучжоу и Сямэнь в пров. Фуцзянь – с другой. Осенью 2001 г. было заявлено о принципиальном изменении курса в отношении экономических связей с КНР: на смену проводившейся администрацией Ли Дэнхуэя политике «Продвигаться медленно и быть осторожными» пришел новый девиз: «Активное открытие и эффективное управление». Очевидно, сама эта формула как раз и претендовала на достижение баланса между либерализацией, соответствующей интересам бизнеса, и сохранением определенных ограничений, обусловленных соображениями экономической и военной безопасности Тайваня. В первые годы пребывания Чэня у власти эта новая линия в отношении экономических связей сочеталась с демонстрацией подчеркнутого миролюбия в политической плоскости, вплоть до заявлений президента о возможности интеграции с КНР по модели Евросоюза.

Почему же впоследствии все изменилось? Как представляется, дело тут не в том, что последовательно проводить такую политику в принципе

невозможно, и даже не в том, что с течением времени установка Чэня на обретение Тайванем полноценной государственности стала реализовываться все более откровенно. На наш взгляд, с определенного момента акцентирование «тайваньской идентичности» стало для Чэнь Шуйбяня не просто сверхценной идеей, но и своего рода «политической технологией», с помощью которой он пытался изменить внутривнутриполитический дискурс на Тайване, отвлечь внимание избирателей от экономических трудностей, от болезненных побочных эффектов структурных реформ, от собственных политических провалов.

Признаки этого проявились еще в ходе парламентской избирательной кампании 2001 г., проходившей в условиях экономического спада: ДПП смогла тогда отвести экономическую тематику на второй план в межпартийной дискуссии, обвинив оппозицию в соглашательстве с Пекином. Но по-настоящему переломный момент наступил, очевидно, в июле–августе 2002 г. К этому времени уже было ясно, что к следующим президентским выборам правящая партия заведомо не сможет предъявить избирателям весомые экономические достижения. И именно тогда Чэнь Шуйбянь озвучил известный тезис о «двух государствах по разным берегам Пролива» и заявил о возобновлении проводившейся в 1990-е годы политики «Идти на Юг», стимулирующей вывоз тайваньского капитала не в КНР, а в страны Юго-Восточной Азии (см. [17, 2003, № 6, с. 49–53]). Градус конфронтации в отношениях «через Пролив» после этого стал повышаться, с обеих сторон последовал ряд демонстративных жестов, увенчавшихся с тайваньской стороны проведением в марте 2004 г. «антиракетного референдума», а с китайской – принятием в марте 2005 г. Закона КНР «О противодействии расколу Родины». Впрочем, сильного влияния на двусторонние экономические связи эти события не оказали, курс на либерализацию по-прежнему выдерживался.

Следующая «точка перелома» относится к началу 2006 г., когда реакцией Чэня на неудачу ДПП на муниципальных выборах и коррупционные скандалы в собственном окружении стало резкое ужесточение позиции в отношении КНР. В конце февраля 2006 г., прямо нарушив одно из своих инаугурационных обещаний 2000 г., президент упразднил существовавший с начала 1990-х годов Совет национального воссоединения и лежавшие в основе его деятельности «Принципы воссоединения нации». Несколько ранее он заявил об изменении политики в отношении двусторонних экономических связей на «активное управление и эффективное открытие», санкционировав тем самым усиление контроля за движением капиталов, технологий и человеческих ресурсов между двумя сторонами Пролива. Характерно, однако, что даже внутри самой администрации такая корректировка экономического курса не нашла однозначной поддержки. Свидетельством тому является «ревизионизм Су Чжэньчана», о котором много писали в прессе в течение 2006 г.: пока Чэнь Шуйбянь в духе нового курса убеждал публику в реальности угроз, связанных с неконтролируемой экспансией двусторонних экономических

связей, тогдашний премьер Су Явочным порядком санкционировал новые меры по либерализации (см. [15, 05.06., 18.09.2006]).

Реально в последние годы пребывания ДПП у власти либерализация не прекратилась и не была повернута вспять, но она утратила качество системности. Каковы наиболее значимые ее итоги, если говорить в целом о периоде 2000–2008 гг.? Механизм «трех малых связей» постепенно развивался. Хотя Цзиньмэнь и Мацзу по-прежнему не могут использоваться как транзитные пункты в торговле между Тайванем и КНР, но с конца 2002 г. тайваньским инвесторам, имеющим предприятия в Фуцзяни, было разрешено транспортировать через эти острова нужные им товары производственного назначения с Тайваня на материк. С марта 2004 г. совершать многократные поездки на материк без специального разрешения могут не только постоянные жители двух островов и тайваньские бизнесмены, работающие в Фуцзяни, но и тайваньские предприниматели, вложившие капиталы в других провинциях КНР. В мае 2006 г. был открыт дополнительный маршрут Цзиньмэнь–Цюаньчжоу, а с апреля 2007 г. совершать поездки на материк в рамках «малых связей» могут и постоянные жители архипелага Пэнху.

Начиная с 2003 г. ежегодно (кроме 2004 г.) организовывались чартерные авиарейсы по случаю праздника Весны с тем, чтобы тайваньские инвесторы могли по традиции провести новогодние каникулы в кругу семьи на острове. С 2006 г. эта практика была распространена и на другие приметные даты китайского календаря – День поминовения усопших, Праздник начала лета, Праздник середины осени. Рейсы осуществляются между Пекином, Шанхаем, Гуанчжоу, а с 2006 г. и Сямэнем – с китайской стороны, и Тайбэем и Гаосюном – с тайваньской. С 2006 г. воспользоваться чартерами могли уже не только бизнесмены и члены их семей, но и туристы и тайваньские студенты, обучающиеся в КНР.

В мае 2004 г. в морских портах Тайчжуна и Цзилуна были созданы еще два «транзитных офшорных центра», куда товары из КНР могут ввозиться для последующего реэкспорта (в Гаосюне такой центр действовал с 1997 г.). В октябре 2005 г. на островах Цзиньмэнь и Мацзу местным отделениям четырех тайваньских банков было разрешено осуществлять взаимную конвертацию новых тайваньских долларов и юаней КНР (см. [12, 21.05.2004, 07.10.2005]).

Еще в ноябре 2001 г. было установлено, что получать от тайваньских правительственных органов специальное разрешение на инвестиции в КНР нужно не по всем проектам, а только в том случае, если предполагаемые капиталовложения превышают 20 млн. ам. долл. В декабре 2006 г. этот лимит был увеличен до 100 млн. В 2006–2007 гг. были существенно ослаблены ограничения на передачу технологий при создании в КНР предприятий по производству полупроводников и жидкокристаллических мониторов. А в марте 2008 г., непосредственно на финише президентской кампании, правительство в отчаянной попытке вырвать победу

объявило об амнистии для бизнесменов, нелегально совершивших инвестиции на материке (см. [15, 11.03.2008]).

Позитивных изменений по отдельным направлениям, таким образом, много, но их едва ли не перевешивает то, что обещания Чэнь Шуйбяня о «трех больших связях» так и не материализовались, да и контактов с китайской стороной на эту тему по существу не было. Не дали результатов продолжавшиеся несколько лет переговоры на уровне деловых ассоциаций об «открытии» Тайваня для китайских туристов. По более чем 2 тыс. товарных позиций сохранились запреты на импорт китайской продукции на Тайвань (см. [15, 22.12.2006, 05.03.2007]).

Итак, позиции Чэнь Шуйбяня «на китайском направлении» эволюционировали от претензий на центризм к радикализации политической позиции и хаотическому реагированию на объективные экономические тенденции. Образовавшийся вакуум стал активно заполняться: делегации тайваньских оппозиционных партий еще с начала 2000-х годов ездили в Пекин, а после визита на материк в апреле 2005 г. тогдашнего гоминьдановского лидера Лянь Чжана диалог по линии ГМД–КПК был формализован, и в его рамках стали обсуждаться вопросы экономического сотрудничества. В ходе кампании 2008 г. Ма Инцзю пропагандировал идею «общего рынка» двух сторон Пролива. И в конечном счете позиция ГМД, построенная на том, что политические переговоры с Пекином могут быть результативными, а экономическое сотрудничество – взаимовыгодным, стала восприниматься большинством электората как более разумная и ориентированная на решение экономических проблем Тайваня, хотя по сути она мало отличается от позиции ДПП периода 2000–2002 гг. Результаты выборов 2008 г. свидетельствуют, что ДПП сохранила свой традиционный электорат, но утратила доверие умеренных избирателей, не имеющих выраженных партийных пристрастий. Теперь в глазах последних руководство ДПП стало выглядеть как группа заикленных на идее независимости Тайваня экстремистов, не способных управляться с экономикой и запятнавших коррупцией идеалы собственного диссидентского прошлого...

Обобщим вышеизложенное. Первые годы XXI в. были не лучшим временем для тайваньской экономики, но их нельзя назвать и периодом упадка. После вызванного внешним шоком спада 2000–2002 гг. экономика восстановила положительную динамику роста, а умеренные его темпы объяснялись в большей степени объективными обстоятельствами, нежели влиянием экономической политики. Не приходится говорить об экономической некомпетентности администрации ДПП. Макроэкономическая политика была вполне разумной, администрация продемонстрировала способность урегулировать кризисные ситуации, такие как кризис «плохих долгов» в банковском секторе в 2000–2002 гг. и кризис на рынке кредитных карт в 2005–2006 гг. Проводившиеся реформы в целом соответствовали насущным потребностям, а то, что многие из них оказались половинчатыми, во многом связано с болезненностью осуществлявшихся

преобразований и недостатком их поддержки со стороны контролируемого оппозицией парламента. Но примечательно, что даже в условиях острого политического противостояния по наиболее принципиальным законопроектам достигался межпартийный консенсус. Тем не менее Чэнь Шуйбяня и его соратников вряд ли будут вспоминать как крупных реформаторов, и причиной тому является неудачное политико-идеологическое обеспечение экономического курса. Заявленные властями амбициозные программы развития так и не смогли стать основой для консолидации общества, и в этой ситуации президент прибег к наиболее простому, но проигрышному варианту действий – разыгрыванию «карты» тайваньской независимости. Такой подход заведомо мог найти поддержку только у меньшей части избирателей. В конечном счете значительной частью электората Чэнь стал восприниматься как носитель конфронтационного начала и во внутренней политике, и в отношениях с КНР, а это во многом дискредитировало вполне реальные позитивные результаты его экономической политики.

В любом случае реальная политическая практика всегда далеко отстоит от представлений об идеальном государственном муже, изложенных в древних философских трактатах. Чаще всего истинное место того или иного политика в истории выясняется уже после его отхода от дел. Остается надеяться, что со временем зерна от плевел будут отделены и в случае с политическим наследием президента Чэнь Шуйбяня.

Примечания

¹ Об антикризисной политике администрации ДПП в начале 2000-х годов см. [5].

² В январе 2008 г. одновременно с парламентскими выборами состоялись инициированный ДПП референдум о национализации бизнес-активов, остающихся под контролем ГМД, и инициированный оппозицией референдум о наделинии парламента правом возбуждать расследования о коррупции высокопоставленных чиновников. Президентские выборы в марте 2008 г. были совмещены с двумя референдумами по проблеме вступления острова в ООН: правящая партия предлагала добиваться членства в ООН под наименованием «Тайвань», а ГМД – под традиционным наименованием «Китайская Республика».

³ Кабинет Тан Фэя, находившийся у власти с мая по октябрь 2000 г., должен был реализовывать предложенную самим Чэнь Шуйбянем программу превращения Тайваня в «Зеленый силиконовый остров» (по аналогии с Силиконовой долиной в Калифорнии). Правительство Чжан Цзюньсюна (октябрь 2000 – январь 2002 г.) дополнило ее 10-летним планом социально-экономического развития. Премьерство Ю Сикуня (январь 2002 – февраль 2005 г.) ознаменовалось выдвижением шестилетнего плана «Вызов-2008». Правительство Се Чангина (февраль 2005 – январь 2006 г.) ограничилось принятием плана краткосрочного стимулирования экономики. Зато пребывание у власти кабинета Су Чжэньчана (январь 2006 – май 2007 г.) запомнилось принятием рассчитанной до 2015 г. программы «Большие инвестиции, большое тепло». По существу только во время второго

премьерства Чжан Цзюньсюна (май 2007 – май 2008 г.) каких-либо новых идеологием или документов программного характера предложено не было.

⁴ По оценке управляющего тайваньским Центробанком Пэн Фананя, прирост мировых нефтяных цен на 10% приводит к увеличению индекса потребительских цен на Тайване на 0,48 процентных пункта (см. [12, 14.03.2008]).

⁵ Из практики 1990-х годов известны случаи, когда фракция ГМД, имевшая тогда абсолютное большинство в Законодательном юане, оказывалась неспособной принимать консолидированные решения по вопросам хозяйственного плана, так как часть ее членов объединялась с представителями ДПП ради защиты тех или иных групповых интересов (см. [7, р. 104–105]).

Литература

1. *Верченко А.Л.* Итоги развития экономики Тайваня в 2005 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 3.
2. *Ларин А.Г.* Президент, или Демократия с тайваньской спецификой. М., 2004.
3. *Мозиас П.М.* Восточноазиатский вектор безопасности: тайваньская проблема // Безопасность Евразии. 2002, № 4.
4. *Мозиас П.М.* Финансовая реформа на Тайване // 34-я НК ОГК. М., 2004.
5. *Мозиас П.М.* Экономическая политика Тайваня при президенте Чэнь Шуйбяне // Мировая экономика и международные отношения, 2003, № 11.
6. На пути к созданию механизма обеспечения мира и стабильности в Тайваньском проливе. М., 2005.
7. *McBeath G.* Wealth and Freedom: Taiwan's New Political Economy. Aldershot, 1998.
8. Taiwan's Modernization in Global Perspective. Ed. by P.C.Y. Chow. Westport–London, 2002.
9. Taiwan Statistical Data Book 2002. Taipei, 2002.
10. Taiwan Yearbook 2004. Taipei, 2004.
11. Taiwan Yearbook 2006. Taipei, 2006.
12. Taiwan Journal.
13. Taiwan Review.
14. Тайвань юй сылинь. Луньвэньцзи // Taiwan on the Move: Conference Proceedings. Чжунли, 1998.
15. Жэньминь жибао: хайвай бань (Ежедневная народная газета: зарубежный выпуск).
16. Сямэнь дасюэ сюэбао: чжэсюэ бань (Вестник Сямэньского университета: философская серия).
17. Сяндай Тайвань яньцзю (Исследования современного Тайваня).
18. Тайвань яньцзю (Тайваньские исследования).